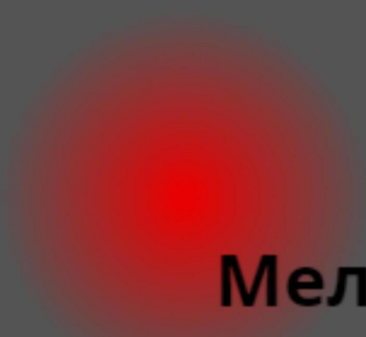

ЛЕВ АСКЕРОВ

**Мелодия
Наеполитанского
танца**

Лев Аскеров
Мелодия
неаполитанского танца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983365

SelfPub; 2023

Аннотация

Фрагмент из жизни детишек в детском доме. Их вера в светлое и прекрасное, их вера в чудо! Любовь к друг другу помогает им выжить.

Лев Аскеров

Мелодия

неаполитанского танца

Саша Мусаев, одиннадцатилетний воспитанник детдома, осторожно ступая на цыпочки, миновал дверь ночной дежурной и остановился, чтобы посмотреть на часы, что висели как раз напротив “дежурки”. Там, рядом с часами, на весь длиннющий и узкий коридор, тускло светила одна-единственная лампочка.

У мальчика было плохо со зрением и чтобы рассмотреть циферблат, и определить, который час, ему требовалось время. В тот момент, как он остановился, большая стрелка дрогнула и передвинулась к цифре 3, а маленькая склонилась к двойке. “Вот это да! Пятнадцать минут второго!” – прошептал он и тут же замер, прижавшись к стене.

За дверью “дежурки” что-то невнятное, вполголоса, про-рокотал бас, в ответ которому прозучал необычайно нежный и певучий голосок, знакомый Саше совсем другими интонациями.

Сегодня дежурила учительница Антонина Дмитриевна по прозвищу “Моряк”. Ее прозвали так, потому что к ней сюда, одно время приходил в гости матрос – здоровенный детина

в бескозырке, надвинутой на самые брови, и с огромным синим якорем, выколотом на руке.

Саша никак не мог понять: почему такая красивая, высокая, с золотыми волосами и строгими глазами Антонина Дмитриевна, перед этим страшилищем становится совсем другой- насиропленной и робкой. А глаза, прямо противно, становились, как у Вовки-подхалима из четвертого “А”...

По ночам самые отчаянные мальчишки и даже некоторые девчонки подкрадывались сюда, к ее дверям, чтобы подслушать о чем матрос травит и подсмотреть, что они там запершись делают...

Сейчас к Антонине Дмитриевне в гости ходит другой дядя – тоже верзила, с черным, всегда насупленным лицом. Приезжает на зелененькой “ладушке”. Но прозвище “Моряк”, которое, кстати, слетело с легкого языка Саши, так и осталось за учительницей.

За дверь Антонина Дмитриевна как-то странно всхлипывала, а гость, кажется, успокаивал ее. Но Саше сейчас все это было неинтересно. Не хотелось ни подглядывать, ни прислушиваться. Ничего страшного с ней не случится. Однажды Вовке-подхалиму, которому показалось, что его любимая учительница там кричит от причиняемой ей боли, здорово влетело, когда он стал барабанить к ним в запертую дверь и вопить на весь корпус: “Сюда пацаны! Антонину Дмитриевну бьют!”...

Напрасно на следующий день ребята старались отыскать

на открытых частях ее тела следы побоев. Было решено, что синяки скрывает платье.

Саша снова посмотрел на часы и уже поспешнее, но все также бесшумно, пошел дальше по коридору. Миновав еще две двери, он оглянулся и быстро шмыгнул в девчоночью палату.

Гюля встрепенулась. Все то время, пока у нее подмышкой лежал градусник и доктор что-то записывал в карточку, она, застывшей статуэткой, оцепенело смотрела в одну точку. Туда, где за колышущейся занавеской прятался вход из медпункта в палату изолятора...

– Открой рот, детонька.

Просьба доктора дошла до нее, как сквозь сон.

“Детонька” – повторила она про себя. И ласковая, теплая волна окатила сердце и вместе с ним, так, что перехватило дыхание, взмыла куда-то вверх.

Гюля перевела взгляд на женщину в белом халате. Что-то в ней, в этой незнакомой женщине, ей показалось до боли родным и близким. Гюлины глаза ожили и в какой-то миг не то от радости, не то от неизбывной скорби словно вскрикнули и полыхнули двумя язычками черного пламени... Потом сразу же потухли и уже внимательно и недоверчиво-вопросающе смотрели на незнакомого врача.

Она здесь, в детдомовском медпункте, стала работать совсем недавно. Пришла вместо доктора Хумар ханум, кото-

рую все называли “Больше воздуха”, и которая запомнилась детям длинными, всегда холодными пальцами, брезгливой гримасой на лице и вечным советом больше бывать на воздухе.

Она была фанатичной поклонницей теории Амосова, потому что более простых, мудрых и универсальных идей, чем его “Бегом от инфаркта”... и “Здоровье в движении”... – она в медицине не встречала. Правда эта система пару раз ее коварно подвела.

Однажды к ней привели девочку, жалующуюся на острые боли в животе. Хумар ханум дала ей слабительное, решив, что ребенок переел незрелой алчи. И глядя, как девочка запивает таблетки, “Больше воздуха” заметила:

– Ты тощая, потому что малокровная. Отличница наверное?

Та кивнула.

– Я так и знала... Много в помещении сидишь за учебниками. Больше на воздухе бывай... Тогда не будешь такой дурнушкой... Иди побегай с ребятами и все пройдет.

А ночью ребенка увезла скорая помощь. У девочки был острый приступ аппендицита.

Другой и последний случай в ее практике врача Детдома, произошел с четырнадцатилетним мальчиком Маисом Мусаевым. По мнению Хумар ханум он, тот случай, был из тех редчайших (на миллион – один), который мог поставить под сомнение всю стройную и неоспоримо мудрую систему ува-

жаемого академика Амосова.

Мальчик часто жаловался на загрудинное жжение и боли в области сердца. Хумар ханум как всегда прописала ему больше воздуха, прогулки вечером и утром, и конечно, нетерпеливый бег. Даже на бумажке написала комплекс физических упражнений, которые тот должен был делать. За месяц до случившегося Мусаев вернулся из больницы, куда его положили из-за желтухи.

В тот злосчастный день он пришел в медпункт прямо с репетиции духового оркестра.

– Сильно болит, доктор. Руку не могу поднять, – пожаловался он.

– Конечно будет болеть. Ты же меня не слушаешь. Мало бываешь на воздухе, не бегаешь.

– Я все время занимался по вашей записке. Даже в больнице... А там врачи мне это строго запретили. Сказали, что у меня врожденный порок.

– Много они там понимают, – отмахнулась “Больше воздуха” и положила в руку мальчика таблетку валидола. – Возьми под язык и пройди в изолятор. Полежи немного. Как боль утихнет, вставай и иди на воздух. Своей любимой трубой тоже можешь заниматься во дворе.

Хотя боль поутихла, Маис продолжал лежать. Она злобная могла повториться. Мальчик ее боялся. Несколько раз он принимался звать Хумар ханум. На зов никто не от-

зывался. Мальчик догадался, что “Больше воздуха” и медсестра уже ушли домой.

“Значит ничего страшного. Не в первый раз”... – успокоил он себя.

Лежать было хорошо. Только очень тоскливо. Потом стало веселей. Пришли брат с сестрой.

– Мася, почитать тебе? – спросил Саша.

– Нет, не надо.

– А я тебе, Масенька, вот что принесла, – Гюлька положила ему на грудь огромный мандарин.

– О! – невольно вырвалось у братьев.

– Девочка из нашего класса таких целых две штуки мне дала, – похвасталась Гюлька.

“Врет, – подумал Маис. – У нее он был единственный и она приберегла его мне.”

Сняв кожуру Маис разломил мандарин на две равные части, одну из которых протянул сестре. Гюля торопливо спрятала руки за спину.

– Возьми, возьми, – сказал Саша, стараясь равнодушно смотреть на аппетитные медово-янтарные дольки и для большей убедительности добавил:

– Не люблю я мандарины.

Он был на три года постарше сестры и все хорошо понимал. Тем временем Маис другую половинку разломил еще раз.

– А это нам с Сашей.

Гюлька погладила старшего брата по руке.

– Вид у тебя хороший. Не как у больного, – заметила она.

– А я в самом деле не болен.

– Не сказал бы, – солидно возразил Саша. – Нездоров ты.

– Нет, мне сейчас хорошо.

– Что сказала “Больше воздуха”? – со степенностью, никак не вяжущейся со смешным полубоксом его стрижки, любопытствовал брат.

Маис махнул рукой.

– Не знаешь что ли? – скороговоркой выпалила Гюлька. – “Больше воздуха” говорит: больше воздуха.

Старший и младшая рассмеялась. Саша остался серьезным.

– Сомнительный рецепт, – сказал он важно.

– Какой Саша у нас умный. Такие словечки знает – обалдеешь, – еще громче засмеялся Маис.

Саша надулся. Гюлька забежала за стул, на котором он сидел, и обняла его за плечи.

– Он у нас самый умный.

– Отстань, – недовольно поморщился Саша и развел, обвившие его ручонки сестры.

– У, какой злока! – обиделась Гюлька. – И все равно я так думаю, и Маша так думает, и “Моряк” об этом говорила.

Гюлька взъерошила Маису волосы и положила головку на подушку рядом с ним.

– Не тормози его, Гюлька. С сердцем шутить нельзя, –

строго сказал Саша.

– Брось, старик. Боли теперь никакой нет. Дышать только тяжело. Хумар ханум правильно сказала – надо на воздух...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.